

В. Крыжановская

Царица Хатасу

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В11

В11   **В. Крыжановская**
Царица Хатасу / В. Крыжановская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 490 с.

ISBN 978-5-4241-3207-0

Роман "Царица Хатасу", действие которого относится ко времени царствования Хатшепсут (Хатасу), 1520-1504гг. до н. э., принявшей титул фараона.

Нежная любовь прекрасной египтянки, тайное покровительство ей царицы, интриги завистников и колдовское влияние чародея тесно переплетаются с реальными событиями и фактами.

ISBN 978-5-4241-3207-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© В. Крыжановская, 2013

Глава I. Праздник Нила

*Как солнечный луч,
появляется человек на земле,
чтобы на минуту отразиться
на ее обманчивой поверхности
и чтобы, как луч, исчезнуть,
не оставив после себя следа.
Рочестер.*

Одна из самых блестящих эпох в истории Древнего Египта – царствование фараонов XVIII династии. Изгнание Гиксов, объединение государства под одним скипетром и победоносные походы предприимчивых и благородных правителей дали толчок искусствам, наукам и промышленности.

Завоеванная Азия стала данницей фараонов и обогатила Египет невиданными сокровищами, но и заразила его страшной изнеженностью нравов и невероятной роскошью.

В тот день, когда начинается наш рассказ, на улицах Фив царило самое радостное оживление. Древняя столица, расширенная и украшенная Тутмесом I, братом правящих фараонов, была роскошно убрана. На всех дверях древних, расписанных яркими красками домов мирно покачивались гирлянды зелени. Балюстрады плоских крыш были в цветах. Цветами были увиты мачты, высившиеся перед дворцами. Отовсюду неслись песни и слышалась музыка. Разряженная радостная толпа переполняла улицы.

Праздновалось разлитие Нила. Плодоносные воды вышли из берегов и залили поля, обещая Египту изобильный год и богатую жатву.

На берегу священной реки собралась густая толпа. С каждой минутой разрастаясь, она старалась как можно ближе протиснуться к широкой лестнице, у подножия которой стояло большое раз-

золоченное судно. Это судно было окружено массой не менее богатых и изящных лодок, занятых пока одними гребцами. Рядом с этим центром всеобщего внимания была другая лестница, очевидно, предназначенная для знати и других избранных людей, так как под ней группировались самые нарядные суда. К этой лестнице быстро подошла украшенная позолоченным цветком лотоса лодка с гребцами – неграми, одетыми в белые туники и полосатые колпаки. На одной из скамеек, покрытой дорогим ковром, сидел стройный и сильный молодой человек высокого роста. У него было бронзовое лицо с правильными чертами. Тонкие губы, низкий лоб и темные глубокие глаза выражали настойчивость, жестокость и сдерживаемые страсти. Одет он был очень богато. Его шею украшало золотое ожерелье в несколько рядов, а за финикийским поясом, стягивавшим талию, был заткнут кинжал с резной рукояткой.

Лодка остановилась недалеко от ступенек. Мужчина встал и, подбоченившись, начал рассматривать толпившихся на лестнице. В эту минуту к реке подъехала колесница. Какой-то молодой воин соскочил с нее и, бросив вожжи провожатому, поспешно сбежал с лестницы.

– Здравствуй, Хартатеф, – крикнул он звучным голосом. – Можешь мне выделить местечко в своей лодке?

– Конечно, с удовольствием. А я думал, что ты на службе, – ответил Хартатеф, пожимая ему руку.

– Я освободился, чтобы быть с вами. Надеюсь, что мое отсутствие в процессии не будет замечено, – сказал воин, смеясь.

– Я тоже надеюсь. Но что же делают твои, Мэна? Время уже занимать места. Хатасу – да покровительствуют ей боги – скоро придут. Скороходы уже расталкивают толпу и очищают место для процессии.

– Когда я уходил из дому, Пагир и мальчишки были уже готовы. Только дамы никак не могли покончить со своими туалетами. В этом отношении они просто невыносимы.

– Здорова ли Нейта? – спросил Хартатеф.

– Она свежа и прекрасна, как роза. Впрочем, ты можешь и сам убедиться в этом. Вот она и Сатати, – ответил Мэна, указывая рукой на быстро приближающиеся изящные носилки.

Как наэлектризованный, Хартатеф выскочил из лодки и бросился им навстречу.

Носилки остановились. Из одних поспешно вышел мужчина лет сорока в сопровождении двух мальчиков, четырнадцати и десяти лет. В других носилках сидели две женщины. Старшей из них могло быть лет тридцать пять. На ее лице была написана безграничная доброта, но насмешливое и злое выражение, появлявшееся иногда в жестком взгляде ее глубоких серых глаз, изобличало это кажущееся добродушие. Она была одета с рассчитанной простотой. Только несколько драгоценных камней, очень большой цены, подтверждали ее положение и богатство. Сидевшая рядом с ней красивая девушка была на вид лет четырнадцати. Она отличалась гибкой талией, изящными формами и слегка смуглым цветом лица. Большие черные глаза, оживлявшие ее лицо, указывали, что в молодом теле обитает душа страстной и властной женщины. Девушка была одета во все белое. Большая диадема, украшенная изумрудами, сдерживала ее роскошные черные волосы. Ожерелье, пояс и браслеты, отделанные такими же камнями, дополняли наряд.

– Здравствуй, Сатати! Здравствуй, Нейта! – воскликнул Хартатеф, помогая женщинам выйти из носилок и делая вид, что не замечает презрительного жеста, которым Нейта ответила на его приветствие.

– Мы немного опоздали и заставили тебя ждать, но нам пришлось сделать крюк Из-за тесноты на улицах, – сказала Сатати, входя в лодку и садясь рядом со своим мужем Пагиром. За ней прыгнул в лодку Хартатеф. Не спрашивая согласия Нейты, входившей последней, он поднял ее на руки и посадил рядом с собой на скамейку.

– Я ненавижу, когда мне оказывают непрошенные услуги, – заметила с неудовольствием девушка. – Я сяду между Ассой и Бэбой.

– Не капризничай и не устраивай теперь прогулок, которые могут нас опрокинуть, – сказал Пагир. – Посмотри, приближается царица.

Хартатеф, казалось, ничего не слышал. Сев рядом с Нейтой, он крикнул гребцам:

– Вперед!

В ту же минуту в толпе произошло движение. Все головы обратились к берегу, и оглушительные крики перекрыли на минуту остальной шум.

На лестнице показалась голова процессии. В строгом порядке начали спускаться жрецы, сановники, воины. Рассаживаясь по лодкам, они расположились полукругом у царского судна.

Затем под балдахином, сверкая золотой инкрустацией, появились роскошные открытые носилки. Вокруг них колебался целый лес опахал из перьев, укрепленных на золоченых палках. На этом троне, который несли двенадцать молодых рабов, восседала Хатасу, предприимчивая дочь Тутмеса I, твердой рукой захватившая бразды правления, оставив своему брату Тутмесу лишь самую ничтожную роль. Царица была молодой, стройной женщиной небольшого роста. Ее красивое, смуглое лицо дышало строгостью, надменностью и непомерной гордостью. Но совершенно неповторимыми были ее большие черные глаза. Сияние их трудно было вынести. То сверкая смелостью и энергией, то становясь холодным и непроницаемым, ее странный взгляд покоряюще действовал на всех. Хатасу была одета в богато расшитую белую тунику. Золотой аграф придерживал пурпурный плащ на плечах. На голове красовалась двойная корона государей Нила, а в руках она держала скипетр и бич – знаки высшей власти.

Носилки остановились у лестницы. Царица сошла с них и села в лодку на приготовленное место. Затем вся процессия двинулась по реке, направляясь к храму Амона. Среди лодок, присоединившихся к царской свите, находилась и лодка Хартатефа. Теперь в ней водворилось спокойствие. К капризной Нейте вернулось хорошее расположение духа. Она с любопытством рассматривала бесчисленные лодки, усеявшие Нил, и ежеминутно обменивалась со знакомыми то поклонами, то улыбкой, полуотвернувшись от своего соседа, она будто не обращала ни малейшего внимания на его разговор с Пагиром и Мэной, хотя на самом деле ни одно слово не ускользало от ее внимания.

– В храме я должен буду вас покинуть, друзья мои, – сказал Хартатеф. – Вы знаете, что из Тростникового моря приведена целая

партия кораблей, построенных по заказу Хатасу для дальней экспедиции в страну Пун. Сегодня, после церемонии, она хочет лично осмотреть их, и мне надо успеть вовремя, чтобы встретить ее.

– Надо признаться, что наша царица – да даруют ей боги долгую жизнь – женщина совершенно необыкновенная. Какие грандиозные планы она замышляет! С какой смелостью она принимает новые идеи! Например, новая усыпальница, которую она приказала построить по плану, противоречащему традиционным, освященным богами и обычаями, – сказал Пагир с восхищением.

– О да! Этот монумент испортит много крови нашим жрецам и архитекторам, – сказал Хартатеф, разражаясь сухим, пронзительным смехом. – Но фараон Хатасу – даруют ей боги славу и здоровье – одарена такой волей, перед которой надо или преклониться, или исчезнуть. А строительство под наблюдением Сэмну так продвигается вперед, что скоро будет закончено.

– Говорят, что Тутмес II очень плох и что его смерть ходит рядом, – начал снова Пагир. – Очень интересно было бы знать, как поступит царица. Оставит ли она маленького Тутмеса в изгнании в Буто или вызовет оттуда, чтобы разделить с ним трон? Как сын покойного царя, он имеет на это неоспоримое право.

– Это уж вопросы, мой добрый Пагир, которыми нам вовсе не следует заниматься. Решать их – дело богов и наших государей, наместников богов на земле, – вмешалась Сатати. – Скажи мне лучше, Хартатеф, нельзя ли будет нам позже присоединиться к свите царицы, чтобы тоже полюбоваться новыми кораблями? Говорят, они невиданных размеров и устроены по – особому.

– Конечно, можно! Ваша знатность дает вам на это право, а расположение, всегда оказываемое Хатасу Нейте, даже обязывает ее быть там, чтобы приветствовать царицу.

Легкий толчок прервал его и заставил обернуться. Большая лодка, наполненная молодыми людьми, брала их на abordаж. Начались рукопожатия и обмен приветствиями.

– Привет прекрасной Нейте! – крикнул красивый молодой мужчина в одежде воина.

Взяв из стоявшей рядом с ним корзинки букет великолепных цветов, он бросил их к ногам девушки.

– Благодарю тебя, Кениамун, возьми это в обмен на твое ароматное приветствие, – ответила Нейта, любезно улыбаясь.

Она отцепила от пояса розу и бросила ее воину. Тот ловко поймал ее на лету. Во время этой сцены черные брови Хартатефа нахмурились, и в глазах сверкнул мрачный огонек.

– Живо вперед! Мы теряем свою очередь! – повелительно крикнул он.

От дружных усилий могучих гребцов лодка рванулась вперед так стремительно, что наскочила на другую лодку, менее роскошную. Та тяжело разворачивалась и подставила свой борт. Раздались женские крики, но суматоха длилась всего одну секунду. В той лодке сидели две чрезвычайно нарядные особы. Одна из них была молодая девушка с роскошными формами, черные глаза и огненно – рыжие волосы придавали необыкновенную пикантность ее красоте. Вторая женщина была пожилая, уже худая и увядшая, но с большой претензией соперничавшая со своей спутницей.

– Извиняюсь и приветствую благородную Туа и ее дочь Неферту, – сказал Хартатеф, раскланиваясь с обеими женщинами, очень хорошо известными в Фивах. Их дом был местом свиданий золотой молодежи Египта.

Сами они принадлежали к знатному и богатому роду. Их праздники пользовались известностью, но легкомысленное поведение, давно уже покончившее со всеми предрассудками, заставляло целомудренных и гордых женщин высшего общества избегать их.

– Мы можем быть только признательны этому случаю, доставившему нам удовольствие и честь приветствовать благородную Сатати и прекрасную Нейту.

Сатати в свою очередь приветствовала Туа и обменялась с ней несколькими любезными фразами. Супруга Пагира была очень снисходительна к недостаткам других. Она, конечно, не отваживалась открыто посещать особ, чье общество могло бы ее скомпрометировать перед благородными друзьями, но по утрам вре-

мя от времени наведывалась в дом Туа узнать все придворные и городские скандалы, всегда известные там лучше, чем где бы то ни было.

Пока обе женщины приветствовали друг друга, Неферта обменялась с Мэной несколькими убийственными взглядами. Молодой воин, очевидно, очень чувствительный к ее демонической красоте, внезапно обнаружил, что ему слишком тесно сидеть, и попросил позволения перейти в лодку Туа, на что получил весьма любезное согласие.

С насмешливой улыбкой Хартатеф приказал причалить. Нейта же, бросив недовольный взгляд на брата, отвернулась и завела разговор с Ассой и Бэбой, сыновьями Сатати.

По окончании религиозной церемонии Хатасу отпустила часть свиты и отправилась в порт, где бросили якорь корабли для смотра. Там ее ожидал Хартатеф. В числе лиц, присоединившихся к царской свите, были также Сатати и Нейта. Жена Пагира гордилась особым благоволением царицы, и этой милостью она пользовалась уже давно. Еще при жизни Тутмеса I Сатати состояла при Хатасу, сопровождавшей отца в походе к Евфрату. Во время этого путешествия царевна, тогда еще совсем молодая девушка, заинтересовалась своей спутницей и с тех пор постоянно покровительствовала ей.

После смотра вполне довольная им царица уже готовилась сесть в лодку, как вдруг увидела Нейту и Сатати, специально вставших на ее пути, чтобы быть замеченными.

Хатасу тотчас же остановилась. Ее блестящие глаза устремились на девушку с непередаваемым выражением любви.

– Подойди, Нейта, – ласково сказала она, протягивая ей руку.

Смущенная девушка преклонила колени. Краснея от радости, она почтительно поцеловала смуглую, изящную руку царицы.

Много завистливых взглядов устремилось на Нейту при этой исключительной милости. Один только Хартатеф заметил, что глаза царицы с трудом оторвались от девушки и что, даже когда Хатасу уже уходила, ее задумчивый, затуманенный взгляд постоянно обращался назад, ища Нейту в толпе.

Пока крики и возгласы сопровождали царский кортеж, направлявшийся ко дворцу, пока все Фивы предавались радости и веселью, небольшая лодка, с утра маневрировавшая на реке, быстро направлялась к противоположному концу города, где был расположен квартал чужеземцев. Лодкой правили два негра – гребца, а пассажир, закутанный в темный плащ, сидел на носу в глубокой задумчивости.

Когда лодка причалила, незнакомец выпрыгнул на берег. Бросив гребцам два кольца серебра, он приказал ждать его здесь же с наступлением ночи. Затем, поглубже запахнув плащ, он смело углубился в лабиринт узеньких переулочков, населенных фокусниками, музыкантами, танцовщицами, веселыми девицами и другим сбродом, живущим в этом квартале, который избегали честные люди. Эта местность, обычно очень шумная и оживленная, сейчас была молчалива и пустынна. Все население квартала чужеземцев рассылалось по улицам и площадям Фив, чтобы принять участие в празднике. Только изредка то там, то сям виднелись старые негры или дряхлые женщины, сидящие на порогах и стерегущие покинутые жилища.

Незнакомцу, по – видимому, была отлично известна топография этого места. Ни разу не спросив дорогу, он уверенно миновал массу полуразвалившихся построек и вышел на длинную улицу, обрамленную с обеих сторон садами. У самого большого и ухоженного сада незнакомец остановился и несколько раз стукнул в маленькую дверь, пробитую в стене. Почти сразу появилась седая голова старого негра.

– Открой скорей, Ри! Это я, – сказал незнакомец.

Восклицание радости и удивления сорвалось с губ старика.

– Ты здесь, господин! Какое счастье! – сказал он, открывая дверь.

– Здравствуй, старина. Как здоровье твоей госпожи? Дома она?

– Да, господин. Она должна быть на плоской крыше.

– Хорошо, Ри. Вернись на свой пост. Я пройду один.

Быстрыми шагами он направился к большому изящному дому, окруженному вековыми деревьями. Пройдя прихожую и несколько

пустых комнат, он поднялся по спиральной лестнице и остановился у входа на обширную террасу, убранную редкостными растениями.

На ложе, спиной ко входу, лежала очень пожилая женщина. В молодости она, должно быть, отличалась необыкновенной красотой. Седые, но все еще густые и выющиеся волосы обрамляли гордое бронзовое лицо с правильными чертами. Черные глаза светились умом и энергией молодости.

– Вот и я, бабушка! – сказал таинственный гость, сбросив на пол плащ.

Оказалось, что это юноша ниже среднего роста. Вся его маленькая гибкая фигура дышала силой и энергией. Большие черные глаза, сверкавшие гордостью и отвагой, оживляли правильное лицо, которому улыбка, появившаяся в эту минуту, придала какую-то странную и неожиданную прелесть.

Услышав этот металлический голос, женщина вскочила и протянула руки юноше.

– Наконец-то я снова вижу тебя, мой дорогой Тутмес, – повторяла она, осыпая его ласками. – Я уже не надеялась больше на это счастье при жизни. Когда же я узнала, что тебя позвали сюда жрецы... О, как я переживала!

– Да, великий жрец вызвал меня, и я должен был рискнуть сбежать из крепости. К тому же мне хотелось увидеть тебя, бабушка, и Фивы. Ты не можешь себе представить, какое ужасное чувство угнетает сердце изгнанника, – добавил юноша, приглаживая свои густые, кудрявые волосы.

– Танафи, ступай и приготовь обед нашему молодому господину! Он утомился в пути, – сказала матрона старой рабыне, сидевшей у ее ног с опалом в руках. Как только та вышла, она прижала к себе внука и поцеловала его в лоб.

– Неужели ты думаешь, что страдаешь один? – спросила она.

– Нет. Я знаю, что ты любишь меня. Но пойми, какое мучение чувствовать себя молодым, деятельным, призванным по праву повелевать – и жить забытым в каких-то болотах!

С этими словами Тутмес так ударил кулаком по столу, что стоявшая на нем шкатулка с пузырьками опрокинулась и все рассыпалось по полу.

– Успокойся, дитя мое, – сказала матрона, понижая голос. – Слушай! Великий жрец составил твой гороскоп, и звезды ясно говорят, что ты станешь великим фараоном. Слава твоя превзойдет славу Хатасу и сделает твое имя бессмертным. Кроме того, я сама пробовала гадать – ты знаешь, я опытна в таких тайнах, – и все предвещает тебе великую будущность. Два года назад, в священную ночь, когда Нил разливается и все силы природы соединяются для оплодотворения земли, я посадила два одинаковых дерева, одно под твоим именем, другое под именем Хатасу. Каждый день я поливала их и произносила над ними священные слова. Сначала они росли одинаково, а теперь твое выше на целую ладонь, а другое все слабеет. Это верный знак, что ты победишь. Итак, будь терпелив. Твой брат очень болен, и, если он умрет, Хатасу должна будет разделить с тобой трон, так как все жрецы на твоей стороне. Но вот Танафи зовет нас. Обед подан. Пойдем, подкрепишься, дорогой мой. Тебе это необходимо.

Она поднялась. Тутмес молча последовал за ней на первый этаж и сел за обильно уставленный различными кушаньями стол. Попив и поев с аппетитом, юноша облокотился на стол и задумался.

– Где и когда я увижу великого жреца Амона? – внезапно спросил он.

– Сегодня вечером здесь будет Рансенеб, помощник и поверенный великого жреца. Сам он не может прийти Из-за болезни, да и можно привлечь к себе внимание. Хатасу не доверяет ему и, говорят, приказала следить за каждым его шагом. Тебя тоже боятся подвергнуть риску быть обнаруженным и хотят уберечь от опасных встреч. Сегодня утром я получила таблички, в которых великий жрец предлагает тебе дожидаться здесь его поверенного и не показываться на улицах.

Ироническая улыбка скользнула по губам Тутмеса.

– Я думаю, что добрый служитель Амона боится гораздо больше за себя, чем за меня. Например, встречи с моей славной сестрой, имеющей ужасно решительный вид, как я мог убедиться в этом сегодня. Я ведь тоже принимал участие в процессии, – небрежно заметил он.